

Т.П. Буслакова

«Смуглый отрок бродил по аллеям...» (1911)

Начиная с ранних стихов, важное место в духовном мире лирической героини Ахматовой занимали размышления о творчестве. В первый сборник «Вечер» вошло стихотворение, открывавшее серию обращений к «Музе-сестре» («Музе», 1911). Своеобразие воплощению этой темы придавали впечатления поэта от Царского Села, над которым витал дух «смуглого отрока» — Пушкина. Воздействие личности и творчества Пушкина на мироощущение и стихи Ахматовой было велико с самого начала ее творческого пути, обусловив специфику многих черт ее поэтики.

В стихотворении «Смуглый отрок бродил по аллеям...» лирическая героиня включает себя в число потомков («мы»), воспринимающих Пушкина как часть своего духовного мира, близкого человека, о котором не просто вспоминают, но «лелеют» в памяти его образ:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Впечатление затихающего отзвука «шагов» полагают создать фонические художественные средства. Полный звуковой повтор «ле» встречается в первой и третьей строчке на ударной позиции, то есть на сильном месте («аллеям», «столетие», «лелеем»), а в четвертой — на слабом («еле», «шелест»). Одновременно развивается аллитерация на «ш», являющаяся ономотопеей — имитацией шелеста травы («Еле слышный шелест шагов»). Эмоциональный контраст звуков в повторах делает ономотопею особенно выразительной. Этот эвфонический элемент был неоднократно использован и Пушкиным. Например, в отрывке «Вновь я посетил...» (1835) на фоне сонорных аллитерационных звуков «л», «н», «м» возникает ономотопея, передающая шаркающий звук шагов няни:

... Вот опять опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых...

В пушкинском стихотворении тот же прием использован еще два раза — в создании образа «трех сосен» «на границе//Владений дедовских» (аллитерационные звуки «х» и «ш»):

... когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал...
...
Все тот же их, знакомый уху, шорох...

Переключка написанного дольником стихотворения Ахматовой с фоникой пушкинского ямба не случайна. Образ, начинающий вторую строфу, проясняет реминисценцию, на основе которой раскрывается художественный смысл ахматовской миниатюры:

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...

«Сосны» — образ, впервые встречающийся у Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814):

... В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой...

Через двадцать один год он возникает в отрывке «...Вновь я посетил...». Уже не царскосельские, а Михайловские сосны для поэта становятся символом вечно возрождающейся жизни:

... шорох их вершин
Меня приветствовал...
...
... Они все те же...
Но около корней их устарелых...
...
Теперь младая роща разрослась...
...
... пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум...
...
И обо мне вспомянет.

Ахматовские строки поясняют последний из временных ориентиров у Пушкина [история («памятник») — «минувшее» поэта — «теперь» — будущее («внук»)]. «Племя //Младое» вспоминает поэта через «столетие» после того, как

Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Аллеи, озеро, сосны, «низкие пни» — детали, соединяющие все временные пласты. «Здесь» «бродил по аллеям» юный Пушкин, к «шагам» которого прислушиваются его далекие потомки, «здесь» он вспоминал о славном прошлом России и мечтал, вглядываясь в грядущее. Сквозь современность просвечивает далекая история, образ поэта находится вне времени, в нем, как в фокусе, преломляются лучи разных эпох.

Воспоминание лирической героини является отправной точкой для размышлений о роли поэта в истории, о его «вечной» сущности, о бессмертии искусства. Эти размышления скрыты за пейзажными и историческими деталями, «еле слышны» и понятны только в контексте пушкинских реминисценций. Но, становясь продолжением последних, раздумья лирической героини вливаются в непрерывный творческий поток, создаваемый и «растрепанным томом Парни», и творениями «смуглого отрока», и попытками современников лирической героини сделать новый «шаг» по проложенной им «дороге свободной» («Поэту», 1830).